

«Сборник стихов Николая Туроверова оставляет у читателя впечатление необыкновенной свежести, строя и силы. Омывающая свежесть, крепость изображения, почти телесное ощущение вещей — читатель это почувствует в стихах Туроверова.

Николай Туроверов — потомок старой славной казацкой семьи. Он прозрачными и смелыми казацкими глазами смотрит на мир, и его степная донская душа своеобразной мощью сочетается с ясным, пушкинским чувством вселенной».

«Стих Туроверова скупой и точный, в духе пушкинской традиции. Частый у него трёх-стопный ямб ритмично богат. Он зорек и умеет виденное сжато и верно изобразить. С той же чёткостью, с которой он видит и изображает родную Донскую область, умеет он передать и впечатление от чужих земель, по которым ему пришлось скитаться в изгнании...»

«Его стихи полны точных и метких определений. Он не устаёт описывать свои родные донские степи, вспоминать свою суровую „жестокую юность с тускловатым блеском погона на хрупких, на детских плечах“, но рассказы с размышлениями его никогда не сбиваются на исповедь. Стихи ясны и просты хорошей, неподдельной прямоотой, лишённой нарочитого упрощения».

Так писали те, для которых русское слово стало делом жизни. Знаменитый певец «белых мальчиков», блистательный и, к сожалению, полузабытый исторический беллетрист Иван Лукаш, исследователь поэзии и прозы литературовед Глеб Струве и мэтр Олимпа русского литературного Парижа Георгий Адамович. Что ж говорить о других многочисленных статьях в казачьих и военных изданиях, о тысячах бывших участниках «казачьей лавы» Гражданской войны и солдатах и офицерах Белой армии, вешавших на стены своих убогих эмигрантских жилищ его портреты и переписывавшие его стихи от руки. Стихи казака Области войска Донского, с потрясающей силой сумевшего выразить в своих строках и тоску по оставленной земле, и всю трагедию изгнания.

Как счастлив я, когда приснится
Мне ласка нежная отца
Моя далёкая станица
У быстроводного Донца...
И слёз невольное сердце просит
И я рыдать во сне готов,
Когда вновь слышу в спелом просе
Вечерний крик перепелов.

Он действительно был очень прост и ясен, и находил какие-то слова, которые никто другой, кроме него, подобрать не мог:

Всё иссякнет — и нежность, и злоба,

Всё забудем, что помнить должны,
И останется с нами до гроба
Только имя забытой страны.

Интересно, что при всей огромной популярности среди русских читателей за пределами СССР за железный занавес стихи Туроверова, на первый взгляд, простые и понятные, в списках к советским читателям «самиздата» доходили мало. Тем неожиданнее стало открытие этого мощного таланта во время перестройки. Его книги, наконец-то изданные в России, мгновенно исчезали с прилавков. Исполнение стихов «казачьего Есенина», «парижского Бояна» (так называли Туроверова в эмигрантской критике) по радио и телевидению вызывало просто потоки писем. А после выхода на телеэкран сериала Елены Чавчавадзе и Никиты Михалкова «Русский выбор», где одна из серий была почти полностью посвящена Туроверову, а также после исполнения Никитой Михалковым и Николаем Расторгуевым песни на стихи этого замечательного поэта Туроверов обрёл наконец-то настоящую славу на своей Родине. В стране, которую он так любил, но куда так и не сумел вернуться.

Я помню улицы глухие,
Одноэтажные дома,
Ах, только с именем «Россия»
Понятно слово мне «зима».

Сегодня в столице и казачьих станицах проходят вечера и фестивали, посвящённые этому удивительному человеку, в ряде областей его стихи включены в обязательные школьные программы. Но, всё равно, ещё очень многим предстоит открытие этого поэта, который знал действительную любовь народа. Ту, о которой мечтает любой художник.

Кем же он был, человек, над стихами которого плачут до сих пор:

Над весенней водой, над затонами,
Над простором казачьей земли,
Точно войско Донское, — колоннами
Пролетали вчера журавли.
Пролетая, печально курлыкали,
Был далёк их подоблачный шлях.
Горемыками горе размыкали
Кзаки в чужедальних краях.

В 1968 году в Вашингтоне увидела свет антология поэзии русского зарубежья, составленная верным рыцарем российской литературы Татьяной Фесенко. Со всего мира прислали ей стихи и свои автобиографии уцелевшие поэты российского изгнания. Из Аргентины, Италии, Германии и, конечно, Франции. Туроверовская заметка оказалась одной из самых коротких. Он лишь сообщил, что является казаком Старого города и что «... успел поучаствовать в трёх войнах, застав Первую мировую».

Старый город — имеется в виду казачья станица Старочеркасск. «Древняя Черкасская столица, — город мой на низком берегу», — писал он впоследствии.

Если быть точным, он появился на свет в местечке Манково-Берёзово, в районе Старочеркаска 18 (30 по новому стилю) марта 1899 года.

Недавно автор этих строк получил большую работу ученицы 11 класса 2-й казачьей школы № 2 города Каменск-Шахтинского Евгении Скидаченко, выполненной под руководством неутомимого историка своего края А. Н. Чеботарёва. Юная исследовательница нашла первое стихотворение ученика Каменского реального училища Николая Туроверова «1915 год»:

Я верю в жизни обновенье,

И в царство правды и любви,
Непрочен мир наш озлобленья,
Мир, утопающий в крови.

Здесь ещё довольно трудно разглядеть последующие строки, написанные уже на французской земле:

И растёт, и ждёт ли наша смена,
Чтобы вновь в февральскую пургу
Дети шли в сугробах по колена
Умирать на розовом снегу.

Каменская, большая, утопающая в зелени станица, с каменными зданиями, стала колыбелью юности поэта. Сюда он всё время возвращался в своих стихах. Здесь его отец, тоже Николай Николаевич Туроверов, войсковой старшина, потомок легендарных казачьих атаманов (один из них входил в состав заговорщиков, возведших на престол Екатерину II), служил судебным следователем. Здесь жили сёстры будущего поэта, а также брат Александр, с которым поэт не расставался всю жизнь. Туроверов еле успел окончить 7 классов Каменского реального училища и сразу, как стало это возможным, 1 апреля 1917 поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Атаманский полк. Здесь он сразу показал своё поразительное мужество, довольно быстро получил звание урядника, а в начале сентября этого же рокового года по приказу командования стал портупей-юнкером Новочеркасского военного училища. Но снова учиться долго не пришлось.

Встаёт за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь,
И где-то правее Корнилов,
В метелях идущий на смерть.

Дальше был весь крестный путь гражданской войны. Вместе с братом Александром он вступил в отряд легендарного казачьего командира Чернецова. Впоследствии сам Туроверов опубликовал большой очерк «Гибель Чернецова. Памяти белых партизан», где с потрясающей ясностью и чёткостью набросал картины страшных дней:

«Начался бой. Наша пушка едва успела раз выстрелить, как была подбита, в двуколку угодило сразу две гранаты, и я видел, как в дыму разрыва мелькнули юбки сестёр. Батарея... била прямой наводкой, не жалея снарядов, и через десять минут трудно было разобрать нашу жалкую цепь в чёрном дыму разрывов».

Молодой казак Николай Туроверов стал одним из любимцев легендарного Чернецова, и, кто знает, может, читал он ему свои первые стихи. Те, которые потом с молниеносной скоростью начали расходиться в списках среди казаков-изгнанников. Чернецов присвоил Туроверову чин хорунжего, потом подъесаула. После разгрома отряда и гибели командира Туроверов прошёл «Степной поход» на восток, потом — всю трагедию Гражданской войны. Начальник пулемётной команды Атаманского полка, командир полковой разведки. Орден Святой Анны 4-й степени с надписью «За Храбрость», Святой Анны 3-й степени, Святого Станислава 3-й степени, медаль Святого Георгия 4-й степени. Вот список его коротких боевых вех и наград. Дальше был Крым, и, наверное, там, раненный, на борту одного из последних пароходов, он и задумал строки, которые потом сделали его известным на весь русский мир:

Уходили мы из Крыма,
Среди дыма и огня,
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня...

На борт корабля вместе с ним поднялась красавица казачка Юлия Александровна Грекова, уже ставшая его женой. А потом, в изгнании, на продуваемом всеми ветрами греческом острове Лемносе, появилась на свет единственная дочь поэта Наталья.

Затем были Сербия и Македония, где казаки помогали солдатам королевства Сербов, Хорватов и Словенцев собирать оставшееся на полях сражений немецкое оружие. Работа была опасной, много мин. На руках была семья, и Николай Николаевич и его брат брались за любую работу. Рано утром, до службы, они таскали мешки с мукой. Работа была очень тяжёлая, но зоркий глаз молодого поэта подмечал всё. И он писал, писал стихи:

И только здесь иные речи,
Иное чувство нам дано,
И стал нам дорог сыр овечий,
И это терпкое вино.

Тогда же в газете «Казачьи думы», выходящей в Софии, стали появляться первые публикации Туроверова. Здесь же увидела свет и изумительная поэма «Новочеркасск», впоследствии не раз переизданная автором.

В 1925 году Туроверов, как и сотни других казаков, сумел перебраться во Францию, которая стала его второй Родиной. Позже для неё он нашел такие слова:

Лучшие тебе я отдал годы,
Всё тебе доверил, не тая,
Франция, страна моей свободы,
Мачеха весёлая моя.

В конце двадцатых Туроверов устроился на работу в банк «Диас», где проработал почти тридцать лет и всегда был образцом аккуратности и честности. В 1928 году в Париже вышла первая книга стихов Николая Николаевича. Она называлась «Путь». Все последующие сборники поэт называл просто — «Стихи».

Восторг казачьей и военной прессы дополнился отзывами мэтров парижского литературного «Олимпа». Очень хорошо принял первую книгу Георгий Адамович: «У Туроверова могут найтись и читатели, и поклонники, потому что в своих стихах он действительно что-то „выражает“, а не придумывает слова для выдуманных мыслей и чувств».

Следующего сборника Туроверову пришлось ждать почти десять лет. Стихи его регулярно появлялись на страницах русских изданий, но только вне России. Конечно, во Франции, в Болгарии, в США, в Финляндии. Эти годы явили не только поэта Туроверова. Во всю мощь его гигантского темперамента и работоспособности развернулся талант историка и собирателя исторических реликвий.

Образованность и дыхание истории чувствуется буквально в каждой строке Николая Николаевича. Он знал «одну, но пламенную страсть» — историю казачества и спасение реликвий отечественной военной славы.

Нелишне отметить, что, работая в банке, а до этого ночами разгружая вагоны, Туроверов ещё находил время для посещения Сорбонны. Он очень много читал и много писал. И не только стихи.

На страницах, пожалуй, самого известного казачьего журнала «Станица» один за другим появлялись его очерки. «Платов и его английские изображения», «Дочь Платова»,

«Казачий сказ о Суворове», «Кзаки в изображении иностранных художников». Поэт был, наверное, первым специалистом по казачьей иконографии, великолепно зная историю гра-
вюр и русского портрета. Ещё благодаря Николаю Николаевичу в Париже прошло множе-
ство выставок. Если объявлялось об открытии экспозиции «Кзаки в Париже», «1812 год»,
«Лермонитов» — можно было не сомневаться, без участия Туроверова это не прошло.

Огромную роль в его судьбе сыграло знакомство с генералом Дмитрием Ивановичем
Ознобишиным, бывшим адъютантом герцога Лихтенбергского, а потом помощником воен-
ного атташе России во Франции. Он умудрился вывезти из России уникальную огромную
библиотеку своего деда, известного литератора пушкинской поры. Именно Туроверов стал
главным хранителем этого собрания и опубликовал блестящий библиографический обзор
«Книжное собрание Д. И. Ознобишина и его суворовский отдел» в одном из самых пре-
стижных альманахов, посвящённых издательскому делу.

И ещё Николай Николаевич очень много сил отдал сохранению архива родного Атаман-
ского полка. Именно он сумел спасти собрание атаманцев, восемь лет был главным редак-
тором «Вестника Общества атаманцев» и председателем «Общества чинов лейб-гвардии
Атаманского полка». К тому же долгие годы возглавлял «Казачий союз», а впоследствии
также стал руководителем «Общества любителей русской военной старины»... Продол-
жать можно долго...

Но вернёмся в Париж конца 1930-х. Сборник «Стихи» увидел свет в 1937 году. Кро-
ме восторгов были и другие отзывы. Строгий Ходасевич, которому тематика Туроверова,
наверное, не была особенно близка, назвал его стихи «вполне добротными». А вот что пи-
сал другой парижский поэт — казак Владимир Смоленский: «Главная особенность стихов
Туроверова, по-моему, та, что, читая их, чувствуешь — весь путь русской поэзии после
золотого пушкинского века прошёл мимо этих стихов. Туроверов прямой наследник Пуш-
кина». Но всё-таки Смоленский потом оговорился: «Я говорю, конечно, о стиле, а не о силе
таланта».

В 1939 во многом благодаря стараниям Николая Николаевича увидел свет уникальный
«Казачий альманах» — одно из лучших изданий, посвящённых казачеству. В том же году
Туроверов взял в руки новый сборник своих стихов. Название было всё то же — «Стихи».
Творчество Туроверова обрело новые краски.

Всё те же убогие хаты,
И так же не станет иным,
Легко уходящий в закаты
Над хатами розовый дым.
Как раньше — при нашем отъезде, —
Всё так же в российской ночи
Мерцают полярных созвездий
В снегах голубые лучи.

Интересной была реакция замечательного поэта и прозаика Вадима Андреева на эту
книгу. «Если б Туроверов, одарённый очень редкой способностью в наши дни свободно
и легко писать стихи, — пишет, как на коньках катается, — был менее самоуверен и мень-
ше выставлял напоказ свою казачью удаль». Здесь, наверное, проявилось какое-то скеп-
тическое отношение интеллектуальной русской эмигрантской критики к этому мощному
таланту. Никак не могли понять, что казачья удаль — это была суть поэта, его искренность,
и именно это привлекало к нему столько людей.

1939 стал знаменательным для судьбы Туроверова. Он отправился в Африку добро-
вольцем, в иностранный Легион. Там, под палящим небом, провёл почти два года.

Всё равно, куда судьба не кинет,
Нам до гроба будет сниться сон:
В розоватом мареве пустыни
Под ружьем стоящий Легион.

Впоследствии многие, не стесняясь, называли гениальным большой цикл стихотворений «Легион». Пески, прожжённый воздух пустыни, туареги, жажда, погони за противником через барханы — всё было передано ярко и удивительно образно. «Я нахожу его стихи о „Легионе“ блестящими и далеко не уверен, что кто-нибудь ещё (француз, немец, итальянец) сумел оставить такую замечательную памятку об этой исключительно сильной исторической картине», — писал поэт и публицист П. Сухотин, живший в Австралии.

Войну Туроверов провёл в оккупированном немцами Париже, но у него и в мыслях не было брать пример со многих своих товарищей казаков, решивших, что Гитлер поможет им снова обрести Родину, сокрушив власть коммунистов. В 1942 году вышел в свет новый сборник «Стихи», где наконец-то увидело свет великое стихотворение «Уходили мы из Крыма...». В годы войны Туроверов создал свои знаменитые произведения «России» и «Товарищ», которые, невзирая на опасность, читал на русских литературных вечерах.

Тебе не страшны голод и пожар,
Тебе всего уже пришлось отведать
И новому ль нашествию татар
Торжествовать конечную победу.

А в балладе «Товарищ» он обращался к казаку из «червоного казачества», к неизвестному противнику, с которым вместе теперь рассчитывал создавать новую Россию.

С тобой, мой враг, под кличкою «Товарищ»
Встречались мы, наверное, не раз.
Меня Господь спасал среди пожарищ,
Да и тебя Господь не там ли спас?

После войны продолжалась та же ураганная жизнь, та же работа в банке «Диас», стихи, статьи по истории казачества, собирание коллекции книг и гравюр по истории России, участие в работе «Кружка казаков-литераторов». Ещё он продолжал возглавлять «Казачий союз» и вёл переписку со множеством своих братьев по изгнанию, помогая им сохранять свою историю и традиции.

В 1950 году ушла из жизни жена, Юлия Александровна Грекова. Он так и не создал новую семью. Главной хозяйкой и помощницей стала дочь Наталья.

В газете «Русская мысль» Туроверов регулярно публиковал новые стихи и статьи. С годами в его поэзии появляются новые краски. Он всё больше размышляет о жизни и о судьбе, часто вместо больших стихотворений пишет короткие миниатюры.

Пора, мой старый друг, пора,
Мы зажились с тобою оба,
И пожилые юнкера
Стоят навтыжку у гроба.

В 1965-м увидел свет последний прижизненный сборник стихов Туроверова. На обложке был изображен всё тот же чабрец, ставший для поэта символом оставленных родных степей.

Он уже много болел, но продолжал работать, писать исторические статьи. В последнее время его особенно занимал Суворов. Планов было много, но... «Общество ревните-

лей русской военной старины с глубоким прискорбием извещает о кончине 23 сентября 1972 года одного из основателей общества, подьесаула лейб-гвардии Атаманского его императорского высочества наследника цесаревича полка Николая Николаевича Туроверова, талантливого поэта и доблестного воина».

Некрологи и статьи его памяти появились во множестве русских зарубежных изданий.

Поэта похоронили на главном пантеоне эмиграции — кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

В наши дни публикации и статьи о творчестве Туроверова в России и на Украине превысили, наверное, количество в несколько сотен. Особенно хотелось бы отметить работы Константина Николаевича Хохульникова, опубликовавшего в Ростове-на-Дону тщательно подготовленные книги стихов и исторической прозы «казачьего Есенина».

И ещё я не могу не вспомнить женщину удивительной красоты. И внешней, и душевной. Ирину Ивановну Туроверову, вдову брата поэта Александра Туроверова. Живя во Франции, она буквально служила русской поэзии и много лет берегла наследие Николая Туроверова, чтобы вернуть его в Россию. Именно Ирина Ивановна предоставила ряд материалов, благодаря которым стало возможным издание в Москве первых сборников поэта на его Родине. К сожалению, она ушла из жизни, но успела застать триумфальное возвращение в Россию наследия человека, чьи стихи и автографы хранила долгие годы.